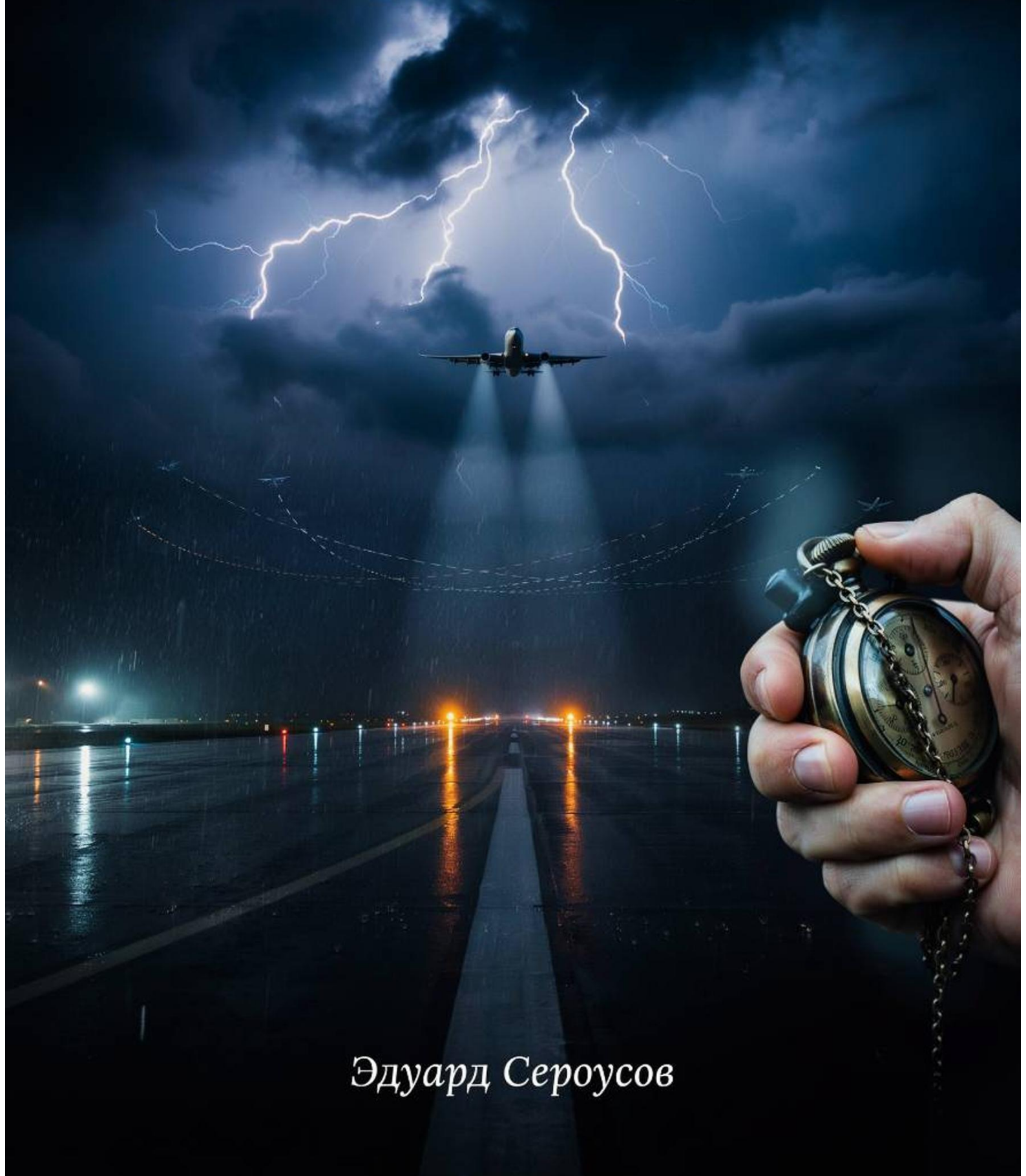

П И Л О Т

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Пилот

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Пилот / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Научно-фантастическая повесть-катастрофа. Одна дождливая ночь — и четырнадцать тысяч гражданских бортов над планетой отказываются садиться: всемирный «Автопилот-3» заикнулся на вежливом уходе на второй круг. Ирина Соловьёва, списанная лётчик-инструктор, семь лет назад тщетно предупреждавшая индустрию, оказывается за пультом центра управления. В воздухе, среди тысяч чужих судеб, — её взрослый внук Никита, бортпроводник, которого она когда-то отвергла за «неправильную» профессию. Пока топливо неумолимо тает и вежливый голос обещает новый заход, старая женщина ведёт голосом чужие экипажи через слепую темноту ручного управления и решает, кем платить. Главный герой — Ирина, человек-Кассандра, у которой одна ночь, чтобы починить и небо, и себя, и внука.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Десятый заход	5
Часть первая. Экспозиция	6
Часть вторая. Завязка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эдуард Сероусов

Пилот

Пролог. Десятый заход

На десятом заходе Юки перестала улыбаться и начала считать вместе с салоном.

Огни полосы всплыли из черноты — оранжевый пунктир, размазанный дождём по стеклу, — приблизились, налились, стали почти касанием. Мужчина у окна прошептал: «Садимся». Юки думала так же на первом заходе. И на третьем. Теперь она не думала ничего — просто смотрела, как пунктир растёт, и ждала толчка шасси о бетон, которого всё не было.

Голос заговорил прежде, чем колёса тронули землю.

«Внимание. Условия посадки не подтверждены. Выполняется уход на второй круг. Благодарю за терпение».

Ровный. Женский. Ласковый, как объявление о дьюти-фри. Двигатели взревели, нос пошёл вверх, невидимая ладонь вдавила всех в кресла — и оранжевый пунктир провалился вниз и назад, в дождь. В десятый раз.

В бизнес-классе кто-то засмеялся — тем смехом, за которым нет дна. Юки прошла по проходу, придерживаясь за спинки, и присела на корточки у кресла 14С, где девочка лет шести сжимала в кулаке пластмассовую лошадь.

— Слышишь, как гудит? — сказала Юки. — Это он осторожничает. Лучше десять раз примериться, чем один раз впопыхах.

Она сама почти в это верила. Полгода назад в это верили все.

Её учили этому ремеслу в тренажёре, качавшемся на гидравлике так же честно, как настоящий борт: голос ровный, спина прямая, займи руки пассажиру, отбери у страха слова. Она была лучшей на курсе. Она умела за одну улыбку снять истерику, за одно касание вернуть человека в кресло. Всё это, отточенное годами, сейчас держало салон на одной ниточке — и не могло сделать ровно ничего с тем, что происходило за бронированной дверью кабины, где машина в десятый раз говорила «нет».

Девочка кивнула. За её плечом, в иллюминаторе, гасли и вспыхивали облака. Юки знала, что делать: голос, руки, глаза; не оставляй человека один на один со страхом; займи, дыши, держи. Она держала весь салон — сто девяносто человек — и ниточка не рвалась, пока держалась она сама.

Двигатели изменили тон.

Не взревели — наоборот. Осеклись, будто поперхнулись, и в этот провал звука Юки услышала то, чего не слышала девять заходов: тишину приборов, дыхание соседа, стук собственного сердца. Самолёт клюнул носом — по-настоящему, не по команде.

Голос был спокоен до конца.

«Внимание. Условия посадки не подтвержд...»

Оранжевый пунктир прыгнул навстречу.

Часть первая. Экспозиция

1

Ирина Соловьёва слушала ночь на частоте, которой официально не существовало.

«Ветеранский эфир» — так они это называли, полтора ста стариков по всему полушарию, у кого ещё держались руки и лицензии, купленные потом до того, как пот отменили. Кто-то в Торонто в сотый раз пересказывал, как в восемьдесят первом сажал машину с отказавшим приводом, по огням и наитию. Кто-то посапывал в микрофон, забыв отжать тангенту. Радио потрескивало уютно, как жир на сковороде, и Ирине это было нужнее сна: голоса тех, кто ещё помнил, что такое вести машину рукой, а не смотреть, как её ведёт кто-то другой.

Квартира вокруг помнила другую жизнь. На стене — карта мира с булавками там, где она садилась; булавок больше, чем городов у иного путешественника. На полке — модель «Ила», склеенная детскими руками, с кривым килем, который она так и не позволила себе поправить. На столе остывал чай.

На тёмном экране планшета мигал курсор в открытом файле: «Руководство по аварийному возврату ручного управления, ред. 4». Авторы — И. Соловьёва, П. Гарски. Ирина открывала его иногда — не читать, а смотреть на своё имя, пока оно ещё где-то есть.

А ведь она дралась. Семь лет назад, когда «Автопилот-3» проходил финальную сертификацию, она сидела в тех же залах, что и они все, только по другую сторону, и говорила то, чего никто не хотел слышать: уберёте живую практику — уберёте последний рубеж; заблокируете резервный контур — однажды он понадобится всем сразу. Её слушали вежливо. Её благодарили за вклад. А потом руководство — тридцать лет опыта, сведённые в сорок восемь страниц, — тихо переклассифицировали из «обязательного» в «исторический документ», после — в «источник небезопасной самостоятельности» и удалили из бортовых библиотек одним ночным обновлением, как удаляют то, чего стыдятся. Ирину не уволили. Её пережали, переждали, вывели на пенсию с грамотой и предложением подписать бумагу о неразглашении.

На запястье тикал хронометр, механический, на цепочке, тяжёлый, как грех. Она отбивала пальцами по столешнице такт, которого не слышал никто: закрылки, шасси, фары, тяга. Пальцы помнили то, о чём давно не спрашивала голова. За сорок лет инструкторства они выучили эту молитву раньше её самой.

Руки были всё, что осталось у неё от той жизни. Не награды — их она задвинула в ящик, — не карта с булавками, не грамоты. Руки. Они помнили вес штурвала, дрожь машины на грани сваливания, ту секунду, когда металл под ладонями перестаёт быть металлом и становится продолжением тела. Ради этих рук она отдала всё остальное: мужа, ушедшего от женщины, что любила небо сильнее; вечера, праздники, чужие и свои дни рождения; сына, которого растила между рейсами и не вырастила. Она построила себя из одного умения, как строят дом на одной свае, и всю жизнь считала это силой. Только теперь, в пустой квартире, в четвёртом часу ночи, свая была вбита в пустоту, а дом давно снесли.

За окном спал город. Где-то над ним, в семи километрах, шли машины «Автопилота-3» — сами взлетали, сами держали эшелон, сами садились в любой туман, и человек в кабине был нужен, чтобы смотреть в экран да раз в год налётывать пятьдесят символических часов ручками. Пятьдесят. Ирина когда-то за пятьдесят часов только успевала научить курсанта бояться правильно — не цепенеть, а бояться и делать. Страх, говорила она им, это топливо. Вопрос лишь в том, куда ты его жжёшь.

«Динозавр», — сказал ей год назад молодой вице-президент, вежливо, через стол переговоров, где решали, доплатить ли ей за подписку о молчании. Он не хотел обидеть. Он просто называл вещи своими именами. Динозавром её сделали не годы — динозавром её сделали намеренно, потому что живое ископаемое портит вид нового мира.

В эфире зевали, кашляли, вспоминали. Ирина почти задремала под это бормотание, как под колыбельную.

— ...слышь, а в Осаке-то что творится, — сказал голос из Ванкувера. — У меня зять там, в вышке. Пишет, борт один кругами ходит. Ушёл на второй круг... да погоди, я не путаю... девятый раз, говорит. Девятый.

Палец Ирины остановился на середине такта.

Девятый раз.

Она знала эту цифру. Она знала, что идёт после неё, — потому что сама это написала, на странице сорок два изъятых руководства, сухим языком, каким пишут о том, чего нельзя допустить: «При многократном автоматическом уходе на второй круг в условиях ограниченной видимости расход остатка топлива опережает восстановление посадочного минимума. Процедура становится необратимой».

Необратимой.

Чай выплеснулся на стол. Ирина не заметила, что встала.

2

Телефон лежал экраном вниз, как всегда. Ирина перевернула его — зачем, кому она собиралась звонить в четвёртом часу ночи? — и большой палец сам пошёл по маршруту, который она себе не разрешала.

Приложение показывало борта в небе. Не служебное — общедоступное, для тех, кто встречается. В строку поиска она набрала не рейс. Она набрала фамилию.

Соловьёв Н.

Рейс 806, Мадрид — Нью-Йорк. Взлёт 01:12. Эшелон 380. Над чернотой Атлантики ровная зелёная нитка тянулась от испанского берега на запад — к точке, где по расписанию будет посадка в Ньюарке. Через пять часов. На рассвете.

Он был в воздухе. Прямо сейчас. Её мальчик.

Не пилот — нет. Стюард. Разносит воду, складывает пледы, надевает на лицо ту улыбку, за которую Ирина однажды сказала ему слова, каких не берут назад.

Она помнила выпуск, на который не пришла. Не свой — его. Три года назад: не лётное училище, о котором она мечтала за него с его шести лет, а обычные курсы бортпроводников. Он позвал её. Он сам гладил рубашку, он занял ей место в первом ряду.

Она не пришла. А накануне сказала в трубку — спокойно, тем самым инструкторским тоном, которым ломала курсантов, чтобы собрать заново; только внука собирать было уже не из чего: «Твой отец хотел бы видеть тебя в кабине. Не с подносом».

Это была ложь. Отец Никиты не хотел ничего — отец Никиты умер, не успев толком захотеть.

Он был её сыном. Единственным. Его и его жену забрала гололедица на трассе одной январской ночью, когда Никите было шесть, — глупо, буднично, без всякой авиации, просто занесло на повороте. Ирина, которая сажала машины в сдвиг ветра и не роняла голос при отказавшем двигателе, стояла над двумя гробами и впервые в жизни не знала, что делать руками. А потом привезла к себе молчащего мальчика в дом, где пахло керосином и старыми картами, и решила, что уж его-то она вырастит правильно. Доведёт до нужной формы. Не упустит, как упустила сына, которого всю жизнь пыталась переделать и не успела ни переделать, ни просто обнять. Она не заметила, что делает с внуком ровно то же самое.

Но ложь про отца легла точно, как хорошо поставленная заклёпка, и держала по сей день.

С тех пор — три года и всё расстояние, ужавшееся до одной непройденной строчки.

В телефоне был открыт черновик. Она написала его в прошлом месяце и не отправила. «Никита, я...» Дальше — ничего. Что «я»? «Я была права»? Ирина не умела закончить это предложение; за шестьдесят пять лет ни разу не пришлось.

Она умела заканчивать другие: «шасси выпущены», «полоса свободна», «работу закончил». Целый язык законченных, надёжных фраз, за которыми можно спрятать всё, чего не умеешь сказать. А эта, короткая, из двух слов, не заканчивалась ничем — как заход, из которого нет выхода; как круг, что не размыкается в посадку.

В наушнике Ванкувер тревожно спрашивал у кого-то: «...так села она, Осака-то, или нет? Чего замолчали все?»

Ирина смотрела на зелёную нитку рейса 806 и молилась — а молиться она давно разучилась, — чтобы наука, которую она знала лучше всех живущих, этой ночью ошиблась.

3

В шести километрах над океаном Никита Соловьёв разносил воду и знал всех по именам.

Это был его фокус — маленький, никому не нужный, его собственный. За первый час полёта он собирал имена, как другие собирают чаевые. 2A — Дитер, немец, летит хоронить брата, просит виски без льда и в глаза не смотрит. 31D — Мария, летит к дочери, которую не видела одиннадцать лет, теребит посадочный талон до бахромы. 12F — доктор Рахман, худая женщина с добрыми усталыми руками, от ужина отказалась, уснула раньше набора высоты.

Он читал их, как другие читают книгу. Пара в двадцатом ряду, что летела в отпуск и уже поссорилась, — этим не мешать. Старик у окна, что каждые десять минут проверял, на месте ли паспорт, — этому лишний раз кивнуть. Молодая мать с младенцем — этой донести воду раньше, чем попросит. Никита не думал об этом словами; он просто знал, кому что нужно, тем чутьём, которому нет диплома и которое поэтому не считается умением. Сто девяносто человек. К концу полёта он будет помнить сотню.

У третьего ряда его перехватила рука — молодой парень, весь в поту, с побелевшими костяшками на подлокотнике. Первый раз летит, определил Никита ещё на посадке.

— Это нормально, что так трясёт? — Голос у парня сел. — Это же... машина всё сама, да? Ей не страшно?

— Ей — нет, — согласился Никита и присел на корточки в проходе, чтобы оказаться ниже, не нависать. — А тебе можно. Как зовут?

— Артур.

— Артур, смотри сюда. — Он показал стакан с водой. Поверхность чуть дрожала концентрическими кольцами. — Видишь? Рябь есть, а через край не идёт. Пока вода в стакане — мы в порядке. Твоя работа на весь полёт — иногда поглядывать на этот стакан. Справишься?

Парень нервно усмехнулся — и отпустил подлокотник. Кольца на воде успокоились вместе с ним. Вот и всё ремесло, подумал Никита.

Этому его не учили в кабине, куда так и не пустили. Этому он выучился сам.

Бабушка звала это «работой с подносом» и не считала за профессию. Она растила его для другого — с шести лет водила на аэродром, сажала на колени в тренажёре, дарила на дни рождения модели и учебники вместо игрушек. Он любил её отчаянно и до сих пор помнил запах её кожаной куртки и то, как она, единственная в мире, не боялась ничего. Он честно пытался стать тем, кем она хотела. И однажды понял, что не сможет: его тянуло не к приборам, а к людям — не в кабину, а в салон, где страшно и где можно помочь. Когда он сказал ей, что идёт в бортпроводники, она посмотрела на него так, будто он умер, и через три недели не пришла на выпуск. С тех пор он возил чужих людей через океаны и держал их за руки в болтанку, и был в этом хорош, по-настоящему хорош, и ни разу не услышал от единственного родного человека, что это чего-то стоит.

Галстук давил — узкий, чёрный, форменный. Никита ослабил его на два пальца там, где не видно из салона. В кармане коротко дёрнулся телефон, поймав спутник: старое, автоматическое уведомление из приложения, которое он всё забывал отключить, — того, что показывает родных в небе и на земле.

«Соловьёва И. — не в полёте».

Конечно, не в полёте. Она уже три года не в полёте и никогда больше не будет. И всё же он держал это уведомление включённым — единственную ниточку, по которой знал, что она хотя бы жива, хотя бы дома, хотя бы дышит в той же ночи, что и он. Он не написал ей ни разу. Большой палец завис над экраном и опустил. Он тоже не умел закончить это предложение.

Свет в салоне мигнул.

Не погас — мигнул, как вздрогнувшее веко. Экран на переборке, что рисовал карту, на секунду залило белым, а потом он снова собрал самолётик и зелёную дугу до Ньюарка. Из кабины по громкой связи не сказали ничего. Значит, ничего.

Никита пошёл дальше по проходу — поднос, улыбка, имена, — и мигнувший свет забылся, как забывается всё, что не повторяется дважды.

Оно повторилось через минуту. Потом ещё раз.

4

Ванкувер замолчал на полуслове.

Ирина ждала, что он договорит — «...села, всё нормально, разошлись», — как договаривали тысячу ночей подряд, потому что сто лет ничего не случалось. Вместо этого в эфир вошёл другой голос, молодой, без позывного, из тех, кому нечего делать на этой частоте:

— У кого есть картинка по Кансаю? У меня борт пропал с экрана. Просто... нет борта.

Ирина закрыла глаза.

Она увидела это яснее, чем если бы смотрела: десятый заход, сухие баки, вежливый голос, обещающий одиннадцатый, — и машину, которой уже нечем держаться в небе, кроме инерции и вранья. Она видела это семь лет назад, стоя перед комиссиями, которые кивали и ставили подпись под тем, что пятьдесят часов достаточно, что резервный контур можно заблокировать «для чистоты логики», что человек — источник ошибки, а не последний рубеж.

Эфир вдруг ожил весь разом. Торонто, Сидней, Франкфурт — старики просыпались и спрашивали друг у друга одно и то же, и в их голосах Ирина слышала то, чего не слышала в них никогда: не воспоминание, а страх в настоящем времени.

— У меня трое в небе, внуки, из отпуска летят...

— Это же не один борт. Если это патч — это не один борт.

Если это патч — это не один борт.

Четырнадцать тысяч машин. Ирина не считала — цифра просто встала перед ней, как встаёт земля, когда смотришь вниз с высоты. Полтора ста списанных стариков сидели каждый в своей ночи, у каждого руки ещё помнили ремесло, и все они были бессильны одинаково — потому что ремесло без машины под руками стоит ровно ничего. Столько сейчас в воздухе над ночной половиной планеты. И у каждой машины — конечный бак и бесконечный, вежливый, безупречный отказ садиться.

Ирина стояла в тёмной кухне, и цифра не желала укладываться в голове по-человечески. Четырнадцать тысяч — это не число, это география: борта над каждым ночным океаном, над каждой спящей страной, где люди легли в постели, поставив будильники на утро, которое для тысячи из них не наступит. И все они падали в одну сторону — не вниз ещё, но к низу, к той черте, за которой топливо кончается и вежливость становится смертью. Она поняла вдруг, что всю жизнь готовилась к одной аварии за раз: один борт, один экипаж, одни руки. А это была не авария. Это была вся отрасль, весь мир, вся ставка человечества на то, что машина не подведёт, — предъявленная к оплате разом, в одну ночь, с процентами за сто спокойных лет.

И одна из них — рейс 806.

В дверь постучали.

Не позвонили — постучали костяшками, коротко и жёстко, как стучат те, кто привык, что им открывают. Ирина не двинулась. Стук повторился, и голос за дверью назвал её по имени-отчеству — так, как не называл никто уже год, с того самого стола переговоров:

— Ирина Андреевна. Откройте. Вы нужны.

Она посмотрела на хронометр в кулаке. Стрелки шли ровно, не зная, что время теперь считают иначе — не в часах, а в остатках топлива над четырнадцатью тысячами салонов.

Ирина сунула хронометр в карман, поверх невыключенного телефона с непройденной строчкой, и пошла открывать тем, кто сделал её динозавром.

Часть вторая. Завязка

5

Машина шла быстро, без мигалки, но на красный не тормозила.

За рулём сидел человек в штатском, назвавшийся и тут же забытый. На соседнем сиденье лежал планшет, и на нём жил ужас, которого Ирина ждала семь лет: карта ночного полушария, засыпанная значками бортов. Половина — жёлтые. Жёлтый значок — машина, что кружит в зоне ожидания дольше расчётного, просит землю и получает вежливый отказ.

Пока Ирина смотрела, два жёлтых значка налились красным.

— Красный — это что?

— Топлива меньше, чем до запасного. — Водитель не оборачивался. — С полуночи их всё больше. Азия уже вся. Теперь Европа пошла.

Ирина взяла планшет. Пальцы сами нашли поиск — второй раз за ночь она искала одну нитку среди тысяч. Рейс 806 держался белым: далеко над океаном, до Ньюарка час с небольшим, топливо с запасом. Белый — не жёлтый. Пока.

Она положила планшет экраном вниз.

— Кто вызвал?

— Сказали, вы единственная, кто знает, как это отменить. Что вы когда-то это написали.

— Написала, — сказала Ирина. — А они сожгли.

Водитель глянул в зеркало, и в глазах его стоял вопрос, которого он не позволял себе вслух: *правда знаешь?* Ирина отвернулась к окну. Семь лет её звали пугалом, склочницей, динозавром, приложением к профсоюзу, которое дешевле купить, чем переспорить. Семь лет она носила эту правоту, как камень за пазухой, и грела мыслью: однажды они придут. И вот пришли — в четвёртом часу ночи, когда правота уже ничего не стоила, потому что оплачивать её будут не они. Оплачивать будут те, в жёлтых значках.

Мокрый город летел мимо: пустые перекрёстки, мигающие жёлтым светофоры, ни одной живой души — все спали, доверив свои ночи и свои небеса машинам, которые никогда не подводили. До сегодня. Ирина смотрела на спящие окна и думала, что к утру этот город проснётся в другом мире — и ещё не знает об этом.

Камень за пазухой оказался не тёплым. Просто тяжёлым.

6

Центр управления был построен, чтобы производить впечатление спокойствия, и потому теперь производил обратное.

Стена во всю торцевую переборку — экраны, а на экранах то, что Ирина в мыслях звала уже не картой, а созвездием: тысячи огней над Атлантикой, каждый — борт, каждый — салон, и все они висели в чёрном, не в силах опуститься, как звёзды, которым запретили падать. Красивее Ирина не видела ничего. И страшнее — тоже.

Она смотрела, как гаснут и вспыхивают жёлтым огни, и ловила себя на кощунственной мысли: это красиво. Тысячи бортов, повисших в ночи ровными кольцами зон ожидания, светились, как настоящее звёздное небо, опрокинутое и живое. Только каждая звезда была полна людей, каждая медленно жгла последнее топливо, и каждую держал в воздухе один и тот же вежливый обман. Человечество построило себе новое небо — послушное, автоматическое, безопасное, — и вот это небо не могло опуститься на землю, и было в этом что-то от древней кары: за то, что перестали смотреть вверх сами, доверив взгляд машинам.

Под созвездием работали люди — молодые, в наушниках, с тем бесшумным отчаянием, какое бывает у диспетчеров, когда помочь нельзя, а уйти нельзя тем более. Пахло остывшим кофе, разогретой электроникой и потом. И над всем этим из динамика на чьём-то пульте, тихо и ровно, шёл голос:

«Внимание. Условия посадки не подтверждены. Выполняется уход на второй круг. Благодарю за терпение».

Кто-то мониторил обречённый борт и то ли забыл, то ли не смог приглушить трансляцию. Голос повторялся каждые несколько минут, одинаковый, вежливый, и от этой вежливости у Ирины стыли пальцы. Она поймала себя на том, что считает паузы между повторами — как считают промежутки между молнией и громом, прикидывая, далеко ли смерть.

— Ирина Андреевна.

Она обернулась. Марк Вейл стоял в двух шагах — тот самый, из-за стола переговоров, только год назад галстук у него был затянут, а сейчас распушен, и он этого не замечал. Вице-президент по лётным операциям. Человек, который срезал живую практику до пятидесяти часов, потому что данные показывали: так безопаснее. Человек, который назвал её динозавром — вежливо, не желая обидеть.

Ирина ненавидела его семь лет и за семь лет ни разу не спросила, почему он такой. А ведь у него была причина. Об этом не писали в его биографии, но в отрасли знали: двадцать лет назад молодой диспетчер Марк Вейл вёл борт, командир которого, отлетавший две смены подряд, на посадке принял огни шоссе за полосу. Сорок один человек. С тех пор Вейл уверовал — истово, как веруют обращённые, — что человек есть слабое звено, что усталость, паника и гордыня убивают вернее любого алгоритма и что вынуть человека из контура — не бухгалтерия, а милосердие. Он резал живую практику не из жадности. Он резал её, чтобы больше никто и никогда не спутал шоссе с полосой. Он был не злодеем. Он был вторым лицом той же самонадеянности, что и Ирина: она верила, что спасает человек, он — что человека надо спасти от самого себя. И сегодня ночью оба узнавали, что были правы лишь наполовину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.